

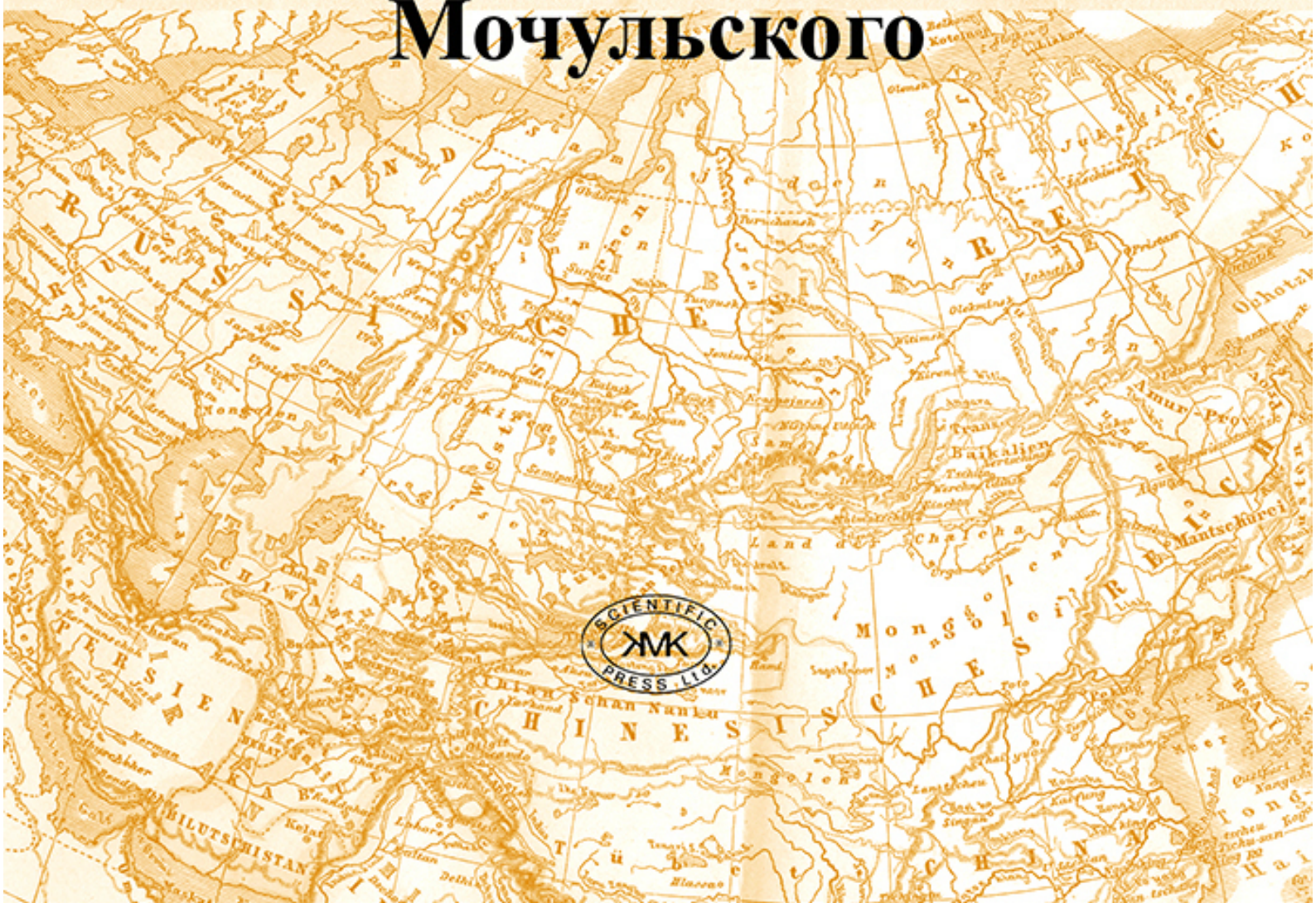
СФЕРА ЕВРАЗИИ

*Annuaire de la Station
d'Artaschan
15 September 1857*

Приключение жизни Виктора Ивановича

Мочульского

Сфера Евразии

Виктор Мочульский

**Приключение жизни Виктора
Ивановича Мочульского,
описанное им самим**

«Товарищество научных изданий КМК»

2013

УДК 28.691.89д(2Рос) Мочульский В.И.
ББК [929:595.7](470+571) Мочульский В.И.

Мочульский В. И.

Приключение жизни Виктора Ивановича Мочульского, описанное им самим / В. И. Мочульский — «Товарищество научных изданий КМК», 2013 — (Сфера Евразии)

ISBN 978-5-87317-921-3

Бравый унтерлейтенант, командующий форсированием Вислы, восторженный почитатель старика Фишера – ветерана российских энтомологов, доверенное лицо генерала Клейнмихеля в государственных делах, основатель «Энтомологической метеорологии для Санкт-Петербурга», проводник персидского посольства к русскому царю, шпион-юродивый с жуками в карманах в чеченском плену, издатель «Etudes entomologiques», исследователь тропиков Центральной Америки, автор названий сотен видов жуков – все это одно и то же лицо, крупный российский энтомолог, Виктор Иванович Мочульский. Кроме подробных описаний природы и быта стран и народов незаурядная поэтическая личность оригинально оценивает некоторые аспекты философии, лично пережитые страницы истории России, детально изученные вопросы биологии. В. И. Мочульский был творцом не только своей любимой науки, но и творцом культуры и истории своей страны. Приключения в его жизни следовали одно за другим. Один из историков науки, Вальтер Хорн, причислял Мочульского к «инфернальным» энтомологам. Основу издания составили расшифровки воспоминаний и дневников, составленных на разных языках с 1831 по 1863 год в большой амбарной книге, которая хранится в библиотеке Русского энтомологического общества. Книга иллюстрирована собственными рисунками В. И. Мочульского и фотографиями.

УДК 28.691.89д(2Рос) Мочульский В.И.
ББК [929:595.7](470+571) Мочульский В.И.

ISBN 978-5-87317-921-3

© Мочульский В. И., 2013
© Товарищество научных изданий
КМК, 2013

Содержание

От редактора	7
Предисловие	8
Вступление	15
1831. Польская кампания	23
1832. Варшава	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

В. И. Мочульский
Приключение жизни Виктора Ивановича
Мочульского, описанное им самим

© В. А. Кривохатский, текст, иллюстрации, 2013

© Т-во научных изданий КМК, 2013

* * *

От редактора

Яркая и неоднозначная личность Виктора Ивановича Мочульского давно привлекает внимание энтомологов, зоологов и историков науки. Но, к сожалению, до последнего времени всё ограничивалось байками и историческими анекдотами. С архивами и документами никто не работал.

В библиотеке Русского энтомологического общества в Санкт-Петербурге хранится переплетённая рукописная книга воспоминаний Виктора Ивановича. Эта рукопись не завершена, но, тем не менее, представляет огромный исторический интерес. В данном издании воспоминания дополнены обратными переводами на русский язык ряда научных публикаций В. И. Мочульского.

Работа над книгой, которую читатель видит перед своими глазами, длилась около 10 лет. Пришлось потрудиться и составителю, и редактору. Были организованы переводы разделов рукописи и некоторых печатных работ В. И. Мочульского с французского и старонемецкого языков.

Мы решили не редактировать сильно оригинальные тексты, хотя язык, которым они написаны, сильно отличается от современного. В 50–60-е годы XIX века ещё не устоялась научная терминология. В чём-то язык воспоминаний В. И. Мочульского напоминает мне язык «Фрегата Паллады» И. А. Гончарова. К этому добавляется ещё характерная небрежность В.И. в написании латинских названий животных и растений. Так или иначе, авторский стиль максимально сохранён, даже в обратных переводах текстов Мочульского на русский язык.

Эту публикацию можно рассматривать как прообраз будущей подробной биографии В. И. Мочульского, основанной на архивных материалах. Биографический очерк В. Хорна, приведённый в конце настоящей книги, явно неполон и очень пристрастен. Многие материалы, по-видимому, ещё не введены в научный оборот. Например, в архивах Московского общества испытателей природы мной недавно обнаружено свыше десяти писем В. И. Мочульского, написанных в 1830–1860-е гг.

Я глубоко благодарен сотруднику Зоологического института РАН (Санкт-Петербург) Виктору Анатольевичу Кривохатскому, взявшему на себя нелёгкий многолетний труд по работе над этой книгой. Именно благодаря его упорству этот книжный проект доведён до конца.

Наверное, можно было бы ещё улучшить эту книгу. Сделать больше примечаний и сносок, составить именную и географический указатели, а также указатель латинских названий. Но надо спешить – наши реформаторы добрались уже и до академических и университетских структур, и мы не знаем, что нас ожидает в будущем году...

К. Г. Михайлов, Зоологический музей МГУ им. М. В. Ломоносова

Предисловие

Эта большая амбарная книга (рис. 1) всегда хранилась в библиотеке Русского энтомологического общества в известном всем биологам и натуралистам здании Зоологического института в Санкт-Петербурге. Первые её страницы после подробного оглавления содержат автобиографию, написанную на старом немецком языке (рис. 2). М. В. Панфилова сделала её перевод, а Жанной и Валерией Кривохатскими были выполнены расшифровка и набор русского рукописного текста (рис. 3). Стихотворные вставки перевели Фадей Гадашь, А. В. Свиридов и В. А. Кривохатский. Переводы отдельных глав жизнеописания, которые были опубликованы при жизни Мочульского на французском языке, сделала М. А. Долголенко, а перевод анализа его творческой деятельности, опубликованный в немецком некрологе, осуществил В. В. Злобин. Составителем и К. Г. Михайловым были подготовлены комментарии, иллюстрации и справочные материалы.

Несколько авторских рисунков В. И. Мочульского были найдены заложенными между страниц манускрипта, однако значительная их часть, судя по содержанию дневниковых записей, была утрачена. Интересна хронология записей. Их последовательность по главам, соответствующим календарным годам, имеет хронологический порядок (рис. 4), однако по косвенным данным, связанным с содержанием, например, зачёркнутых абзацев, оказывается, что книга писалась значительно позже происходивших событий. Вероятно, манускрипт сочинялся в тиши кабинета на основании отдельных путевых заметок, указание на существование которых дважды встречается в тексте. Ещё одним, косвенным, подтверждением этому могут служить и многочисленные указания новых латинских научных названий, данных для якобы только что обнаруженных В. И. Мочульским видов членистоногих животных.

Не все главы, перечисленные В. И. Мочульским в собственноручном Содержании, были им написаны в книге. Они, как и те, которые нам удалось восстановить из опубликованных работ Мочульского, выделены в приведенном ниже содержании специальным шрифтом.

Рис. 1. Манускрипт (рукопись) В. И. Мочульского.

Судя по содержанию манускрипта, В. И. Мочульский сначала был политиком и военным, а потом уже энтомологом и натуралистом. Паганеля ещё придумано не было (этот персонаж был создан Жюлем Верном только в 1859 г.), и сбор «букашек» ещё никем не использовался как прикрытия для разведывательной деятельности, однако именно жуки, рассованные Мочульским по карманам, однажды спасли жизнь этому «русскому разведчику». Справедливости ради стоит сказать, что если Мочульский был первым русским энтомологом-шпионом, то отнюдь не последним – через 50 лет на этом поприще его сменил Н. Ф. Иконников, а через 100 – Н. Н. Филиппов, известный среди энтомологов под псевдонимом Женжурист.

Множество политических откровений Мочульского, почерпнутых им непосредственно от творцов российской истории, заставят читателей содрогнуться от схожести методов в управлении народами и в ведении войн сто пятьдесят лет назад и сегодня. И ирония, с которой Мочульский пишет о жизни и смерти Аракчеева, и юмор, с которым он описывает свои смертельно опасные приключения, подвластны только чрезвычайно опытному человеку.

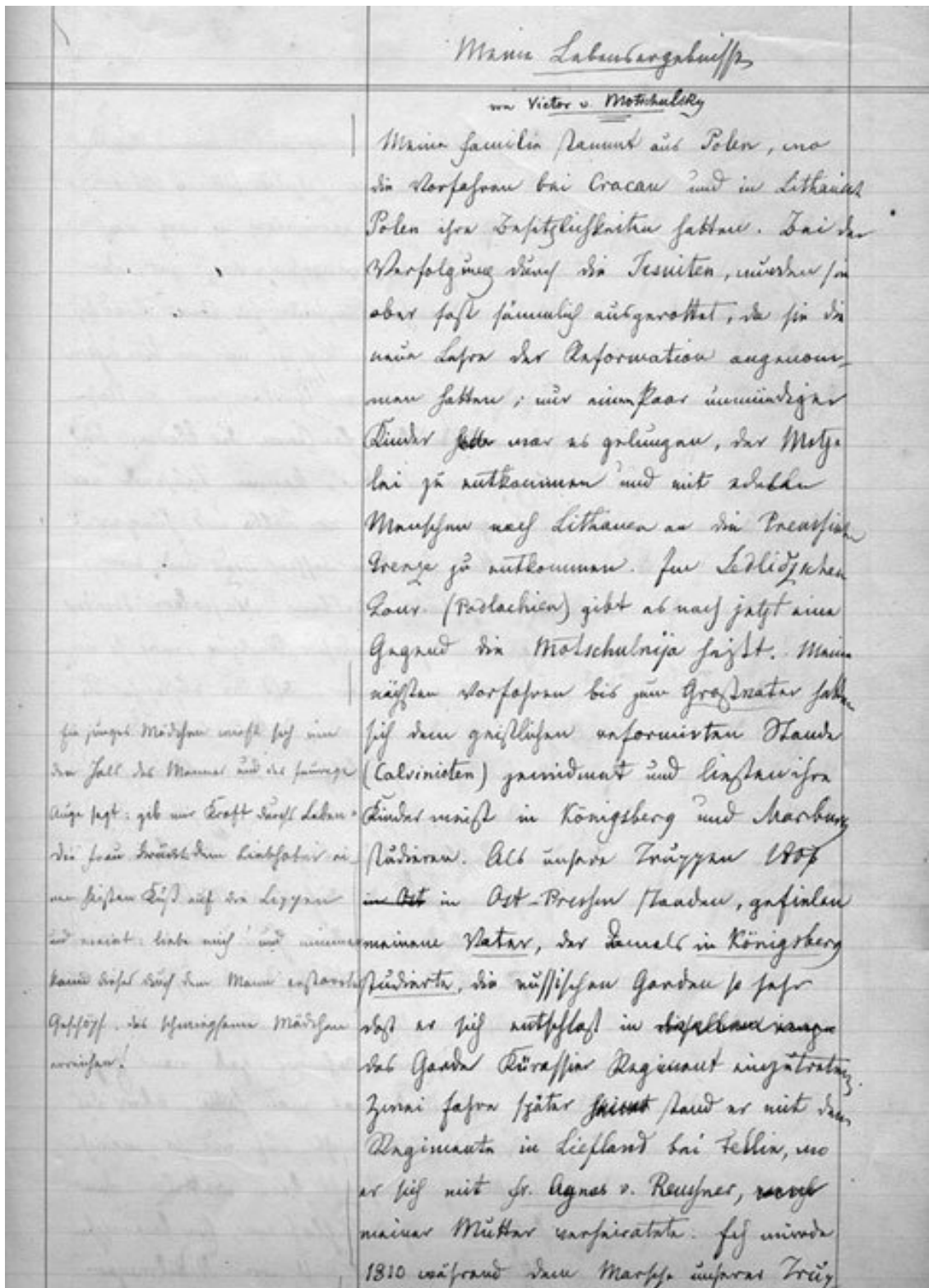

Рис. 2. Страница манускрипта на старонемецком языке.

Приключения жизни
Виктора Ивановича Мочульского.

1^о Вступление. 1
2^е 1831. Псковская компания.
3^е 1832. Варшава
4^е 1833. Ливва. Мемельский
5^е 1834 Кавказ. Дагестан.
6^е 1835 Адамушев. Петербург.
7^е 1836 Заграничные
8^е 1837 Закавказье.
9^е 1838 Кавказ
10^е 1839 Кургушевский степь
11^е 1840 Восточная Сибирь.
12^е 1841 Омурзук. Пермь.
13^е 1842 Шингаров. Транскавказская сибирь
14^е 1843. Клейменов.
15^е 1844 Большая сибирь в Туруеве.
16^е 1845. Путешествие в Рязань
17^е 1846 Путешествие в южной России. Славянск. Торшук. Моз.
отомогородки Камышев да в. Курганск.
18^е 1847. Путешествие в южной России. Внутренний Кургушевский
степь. Сибирь. Земли Войска Донского.
19^е 1848 Петербург. Финляндия. Умань.
20^е 1849. Петербург
21^е 1850 Путешествие за границу. Сибирь
22^е 1851 Париж. Лондон. Гамбург. Мюнхен
23^е 1852 Петербург. Варшава. С.-Петербург. 1852 стр. 15

Рис. 4. Страница с оглавлением манускрипта.

Рис. 5. Жуки из коллекции В. И. Мочульского.

В. И. Мочульский – боевой офицер, ветеран, страдающий от многочисленных ранений, профессор зоологии и поэт-мальчишка, влюбившийся в четырнадцатилетнюю сиротку:

«Блаженна молодость, блаженны те лета,
где нет огня, нет пламени души,
невинно всё, и совесть там чиста,
и кто с детьми играть не любит,
кто молодость себе припомнить не умеет,
нет солнца для того, и Бог его забыл».

Эти стихи, написанные в строчку как проза (с. 224), разложены здесь на строфы. В.М., безусловно, был поэтом.

Как они похожи, эти образованные военные, политики, учёные и поэты, энтомологи былых времен, гармонически развитые личности досоциалистической эпохи.

В. И. Мочульский известен как энтомолог, политик и военный, П. П. Семенов-Тянь-Шанский – как энтомолог, сенатор, политик и путешественник, Н. А. Холодковский – как энтомолог, поэт и переводчик «Фауста» Гёте. Историк науки Вальтер Хорн просто назвал Мочульского **инфернальным энтомологом** номер один.

Настоящее издание включает изложение текста дневниковых записей, предельно приближенного к оригиналу. Многочисленные традиционные сокращения слов в рукописи восстановлены согласно их значениям, пропущенные слова и расшифровки невнятных сокращений приводятся в квадратных скобках. Необычные транскрипции географических названий и устаревших слов, а также устаревшие научные названия животных и растений снабжены комментариями. Публикацию латинских названий в настоящих дневниковых записях во избежание таксономических казусов не следует рассматривать как научную публикацию; в тех случаях, когда находки требовали их опубликования, В. И. Мочульский эту работу осуществил и сделал доступной для специалистов. Поэтому использованные здесь фрагменты переводов опубликованных работ Мочульского в таксономической части практически не комментируются.

Богатейшим наследием Мочульского, безусловно, является его коллекция насекомых, собранная им самим на Кавказе, в Сибири, в Египте, в Северной и Центральной Америке.

Коллекция пополнялась и за счёт обмена и «заимствований» из других коллекций и считалась богатейшим собранием своего времени. Большая часть того, что осталось от коллекции, хранится ныне в Зоологическом музее Московского университета (Любарский Г. Ю. 2009. История Зоологического музея МГУ. Идеи, люди, структуры. М. Товарищество научных изданий КМК); три большие коробки после его смерти были переданы в Русское энтомологическое общество (рис. 5), согласно завещанию. Автор не считает «милые чудачества» некоторых энтомологов, связанные с пополнением личных коллекций за счёт музейных научных сборов, нормой поведения. Такие хищения сильно тормозят развитие энтомологии и негативно отражаются на сохранности типовых материалов и на психологическом поле научного сообщества. «Шляпа Мочульского», в которой можно пронести любых понравившихся насекомых, вообще стала неким сомнительным символом энтомологии. И современные энтомологи-профессионалы, разбираясь с научным наследием Виктора Ивановича, не слишком часто помнят его добрым словом. Однако, познакомимся с ним самим!

Вступление

Мой род происходит из Польши – мои предки владели там именьями под Краковом и в Литовской Польше. Но, так как они приняли протестантизм, большинство из них было истреблено во время гонений иезуитов. Лишь двум несовершеннолетним детям удалось избежать резни и вместе с некими дворянами достигнуть прусской границы. До сих пор в Подлясье¹ существует край, называемый Мочулией.

Мой дед и все его потомки исповедовали кальвинизм. Дети их обычно получали образование в Кёнигсберге или в Марбурге. Когда наши войска остановились в Восточной Пруссии, моему отцу, обучавшемуся в ту пору как раз в Кёнигсберге, так приглянулись русские гвардейцы, что он решил вступить в Лейб-Гвардии Кирасирский полк. Два года спустя, придя в составе полка в Лифляндию, под Таллин, он женился там на Агнес фон Ресснер – моей матери. Я родился в 1810 году, во время передвижения наших войск, в маленьком городке Гродненской области – Иваново. Крестил меня католический проповедник, потому что раздобыть другого было невозможно.

Когда разразилась Отечественная война, моя мать жила со мной в Псковской области (в Великих Луках). И по сей день, мне отчётливо вспоминаются пленные французы, показывавшие разные фокусы за кусок хлеба; особенно мне запомнилось, как один из них вытаскивал огурец из носа. К окну нашего маленького дома приходили тогда страдающие от холода и голода нищие солдаты, надеясь выпросить немного еды и одежду. Поражение Наполеона и неудержимое отступление его войска были столь неожиданными, что у русского правительства не оказалось никаких средств для помощи несчастным. При всём фанатизме русского народа, при всей его ненависти и жестокости по отношению к врагам, он делил свою трапезу с несчастными. Однако число их было столь велико, что даже самым сострадательным, в конце концов, приходилось со слезами на глазах закрывать перед ними двери. Более десяти раз выкладывали мы на наше окно всё, что могли отдать, но это бедствие не прекращалось, и многие из просящих заснули тогда своим последним сном.

Один баварский офицер, если память моя мне не изменяет, Мительмейер, совершенно замёрзнув, умолял дать ему что-нибудь из одежды. Мать при гласила его в комнату, где он вскоре согрелся, подкрепившись едой из наших припасов. По его виду было понятно (так рассказывала мне позже моя мать), как хорошо ему стало в тёплой комнате, и он стал просить позволения переночевать здесь. На следующий день, однако, оказалось, что он совсем ослаб. А ещё через два дня пришедший врач застал его, изнурённого сильным жаром, в беспомощности. Так этот бедный офицер и остался в нашем доме на три месяца – до своего окончательного выздоровления. Потом он смог вернуться на родину, чему был очень рад. Пару раз он писал нам из Баварии, но затем, вот уже более 30 лет, мы ничего о нём не слышали. Когда я (спустя 25 лет) увидел в Мюнхене памятник тридцати тысячам погибшим в России баварцам, мне невольно пришёл на память вышеприведённый рассказ моей матери, и я подумал, что тот лейтенант был одним из немногих вернувшихся.

После окончания войны Лейб-Гвардии Кирасирский полк, в котором служил мой отец, стал на квартиры в Ладого, в том самом городе, где когда-то, тысячу лет назад, располагалась резиденция великих русских князей. И сейчас там выдают одну старую стену за руины «замка Рюрика», а в музее Императорского Вольного экономического общества находится часть ограды древнего Рюрикова городища. Сам же я мало, что помню о Ладого.

---

¹ Подлясье – историко-этнографическая область в Польше и западной Белоруссии. Занимает территории между р. Бебжа на Севере, Мазовией на Западе, Холмщиной на Юге и Вольнью и Полесьем на Востоке.

В 1817 году мой отец, будучи уже старшим адъютантом, поступил в штаб Гвардейского корпуса в Санкт-Петербурге, а я – в первый пансион, что на Вознесенской улице. Имя содержателя этого пансиона я не помню. Каждый день слуга по имени Матвей отводил меня туда, а затем и забирал оттуда.

Несколько месяцев спустя меня перевели в другой пансион – в трёх верстах от города по Московской дороге – к пастору Коллинзу. Дом, в котором мы жили и учились, был двухэтажным: снизу – каменным, а сверху – деревянным. Один из его фасадов выходил на маленькую улочку и на молодой лесок, а второй – в красивый парк, тянувшийся почти до ручья Лиговка. Пастор Коллинз был человеком довольно учёным и почтенным, однако он имел несчастье выдать свою собственную дочь замуж за уже женатого мошенника (Мелина), из-за чего лишился сутаны и воротника². Потому он и был вынужден открыть вышеупомянутый пансион.

Дом наш был примечателен ещё и тем, что члены императорской фамилии и многие другие из высшей знати (например, король прусский Вильгельм), прибывая из-за границы, останавливались здесь, чтобы переодеться перед въездом в столицу. Император Николай, конечно, отменил этот обычай.

Чему именно учили меня в том пансионе, я уже забыл, и от того времени у меня остались лишь три воспоминания: во-первых, как молния ударила в соседнее здание и я внезапно очутился под лавкой, на которой до этого мгновения сидел; во-вторых, как мы кидались в нелюбимого нами хромого учителя Петцольта картофельными клубнями; и, в-третьих, насколько болезненными были щелчки, коими награждал меня мой товарищ Гробиш, когда я проигрывал ему в карты. Ведь этот Гробиш обладал необычайной силой, которую мы (памятуя о длинных волосах Самсона) приписывали той его особенности, что у него были необыкновенно большие кожные перепонки между указательным и средним пальцем на обеих руках. Позднее он стал военным инженером. Но в 1828 году столь могучий человек, способный согнуть о колено железную кочергу, погиб, при всей своей жизненной силе, от молдавской лихорадки.

В 1821 году, после того, как мой отец стал дежурным штабс-офицером Гвардейского кавалерийского корпуса, меня отвезли в Кронштадт, в дом пастора Топпелиуса, человека весьма высокообразованного. Мы, четверо учеников, обучались с его детьми и жили у него на полном обеспечении, что обходилось каждому в 1000 рублей в год. Учёба в этом пансионе была для меня весьма полезной, и здесь были заложены все мои научные интересы, особенно любовь к естествознанию. Ведь мы часто записывали лекции по природоведению и рисовали зверей и птиц. Кроме того, у каждого из нас был свой садик с цветами, кустиками и деревьями; нам выдавали маленькие лопаты, грабли и леечки, так что всё свободное время мы копали, пересаживали, поливали и т. д. Потому с самого раннего возраста мы удивлялись природе и учились познавать её.

Утро каждого воскресенья мы проводили в церкви, где некоторые из нас нередко дремали во время длинной проповеди. А после обеда мы совершали прогулки за город, где ловили насекомых и собирали растения, ведь тогда Кронштадт был совсем иным, нежели сейчас. Земляные валы со временем стали совсем низкими, и только со стороны гавани сохранялись отдельные деревянные батареи. С восточной же стороны стояли лишь ветхие заборы, сооружённые ещё во времена императора Павла для защиты от англичан. Именно в этих местах можно было встретить всевозможных насекомых.

Все укрепления пришли в негодность задолго до моего прибытия в Кронштадт. Об этом можно судить хотя бы по следующему случаю: когда Павел наложил эмбарго на английские суда, и нужно было встречать англичан в Кронштадте, оказалось, что валы слишком низкие, а гарнизон – беззащитен. Тогда и были построены вышеупомянутые заграждения.

---

² Т.е. был лишён сана.

На каникулы меня отвозили к моим родителям, зимой на санях (в кибитке) по льду, – и при этом я почти всегда простужался, – а летом на только что построенном пароходе. В те времена путь от Кронштадта до Петербурга занимал 3–4, а порой и 5 часов по воде или 2–3 часа по льду – не то, что сейчас.

Все батареи, как уже упоминалось, были деревянными, и исключением служили только каменные бастионы Кронштадта, заложенного ещё при Петре. Поэтому, когда в 1824 году произошло большое наводнение, все укрепления были сорваны и затонули.

Не в лучшем положении находился и флот. Перед тем, как показать Александру I корабли, стоявшие в военной гавани, их пришлось заново покрасить с той стороны, с которой должен был пройти император.

Страшное наводнение 1824 года разрушило подгнившие сооружения порта и разметало суда: некоторые линейные корабли выбрасывало на песчаные отмели, другие уносило в открытое море. Всё это можно было видеть из окна дома, где я жил. Сам же дом был расположен на самом высоком месте острова, в его восточной части, и остался тогда единственным незатопленным местом, хотя и стоял прямо на берегу.

Жуткая картина предстала перед нашими глазами 11 ноября 1824 года. Утром мы побежали в гавань, где нахлынувшая вода уже произвела чудовищные опустошения. Люди спасались на лодках, домашние животные, плавающие повсюду вокруг деревянных стен батарей, безуспешно пытались найти в них опору. Вдруг на рейде показалась шхуна, шедшая на всех парусах. Она неслась необычайно быстро, пройдя всего за 17 часов путь от Ревеля до Кронштадта, и, пытаясь зайти в порт, врезалась на полном ходу в каменную стену гавани. Мгновение – и уже ничего, кроме ключев пены, нельзя было увидеть на том месте.

После полудня ветер гнал по всем улицам метровые волны, и они разбивались в водяную пыль у нашего дома. Эти страшные мгновенья остались в моей памяти на всю жизнь. Сравнить такую картину можно разве что с водопадом, который не обрушивается вниз, а с необычайной силой вздымается вверх. Ещё 20 саженей – и волны достигли бы порога деревянного домика пастора, но с наступившим вечером ветер утих, и прибывшая вода устремилась мощным потоком в море. При этом она унесла в морскую пучину дома со стоявшими на крышах и безнадежно взывавшими о помощи людьми, корабли и громадное количество утвари, посуды, деревьев и т. д.

Один пивовар, дом которого стоял прямо у входа в гавань залез в большое корыто, которое прибывшая вода подняла почти до уровня потолочных лаг. В конце концов, изба его завалилась на бок и затонула, а мой пивовар оказался в открытом море. Только благодаря счастливому случаю через несколько часов его прибило к противоположному финскому берегу. Но и там он не смог высадиться на сушу, так как все прибрежные воды были заполнены плавающими обломками деревянных строений. Наступила ночь, стало холодно, и несчастный так и не достиг бы твёрдой земли, если бы не светила луна. Благодаря этому весьма тусклому освещению казаки, державшие караул, заметили его с берега и затем вызволили из беды. Возвратившись в Кронштадт, пивовар с трудом отыскал место, где стоял его дом, так как прибой нанёс туда очень много песка; местами его слой достигал толщины в 2 аршина.

Мой герой отстроил себе новую избу. Когда пришла пора топить новые печи, он, не послушав жену, лёг в непроветренной комнате спать и умер там от угара. Вот так нелепо суждено было погибнуть человеку в своём собственном доме через полгода после того, как он чудесным образом спасся от смерти в морской пучине.

Петербург и его окрестности, очевидно, затапливались не раз. На земляных валах крепости можно найти следы самого большого наводнения за последние 150 лет, а также убедиться, что такие бедствия случаются каждые 50 лет. Известно, что главной причиной повышения уровня воды в Петербурге бывает юго-западный ветер. В Стрельне же, Петергофе и Ораниен-

бауме этот ветер слабеет, и потому там наводнения случаются редко, а если и происходят, то не приносят больших разрушений.

Следующей страшной катастрофой, которую мне довелось пережить в Кронштадте, было восстание 14 декабря 1825 года. В этот день благороднейшие души России, связавшиеся с совершенными глупцами, возомнили себя способными к борьбе за свободу. Сие мечтание весьма далеко отстояло от действительности. Последовавшие события со всей убедительностью показали, что Российская империя отнюдь не была готовой к воплощению подобных замыслов – слишком дорого обошёлся бы их успех. Кем же были главные вдохновители этого заговора? – поэты-мечтатели, кишевшие повсюду, подобно толпе Ламартинов³.

В Кронштадте в тот день носились самые абсурдные слухи; гарнизон крепости стоял на оборонительных позициях, пушки на валах были заряжены. То есть войска в полной боевой готовности ожидали армии мятежников, которая, как говорили, шла сюда по льду из Петербурга. А между тем само дело было окончено уже к полудню, когда новый император приказал стрелять картечью по рядам смутьянов. Среди жертв оказалась и пьяная чернь, убеждённая заговорщиками в том, что законный государь – Константин – со своей супругой Конституцией закован в цепи и брошен в тюрьму. И вот все эти мужики орали без перерыва: «Конституция! Конституция!»

Началось же всё следующим образом. Когда Великий князь Константин захотел жениться в Варшаве на княжне Лович, император Александр I дал ему разрешение на этот брак, но с условием, что он откажется от престола. Соответствующее завещание в запечатанном конверте с надписью «Вскрыть после моей смерти» было передано императором в Государственный совет. Когда весть о кончине Александра I достигла Петербурга, советники собрались в присутствии обоих Великих князей – Николая и Михаила, которые потребовали немедленно вскрыть пакет. Однако граф Мордвинов воспрепятствовал этому и настоял на том, чтобы сначала все члены совета, а также и сами Великие князья, присягнули новому законному императору Константину, что и произошло. После того как пакет всё же был затем вскрыт, в нём нашли отречение самого Константина, но к тому времени войска и народ, вслед за Государственным советом, уже дали ему присягу. Император поневоле, он претендовал только на польскую корону, и через 2 недели из Варшавы было привезено его повторное отречение. Народ нужно было вновь привести к присяге, теперь уже Николаю, но повсюду стали распространяться различные слухи, которыми и не преминули воспользоваться смутьяны. Они, среди прочего, убедили простой люд в том, что Константина и его супругу заключили в тюрьму. Когда же к присяге стали подводить войска, в них возникли волнения, это и стало поводом к восстанию 14 декабря 1825 года.

После того, как о восстании стало известно в Зимнем дворце, юный император будто потерял голову и думал только об обороне. Он всё время спрашивал у охранников, можно ли на них положиться. Промедление государя дало восставшим время собраться на Исаакиевской площади перед Сенатом. Однако находившийся в это время во дворце Государственный секретарь Польши граф Гробовский, военный старой закалки, сумел изменить пагубный настрой императора и убедить его в том, что сейчас нельзя терять ни секунды и что его место не во дворце, а на площади, во главе с преданными ему военными. Николай вскочил на коня и вскоре появился на площади перед Сенатом. Он был бледен как полотно, и, приблизившись к пушке, дал свой первый императорский приказ: «Пли!», – приказ открыть огонь по его собственным подданным.

---

³ Ламартин (Lamartine) Альфонс (1790–1869), французский поэт-романтик, политический деятель. В период Революции 1848 года – член Временного правительства. Основные произведения: сборники медитативной лирики «Поэтические раздумья» (1820), «Новые поэтические раздумья» (1823), мистические поэмы («Жоселен», 1836); «История жирондистов» (1847).

Этот выстрел был холостым, и в ответ ему раздался хохот. Второй залп уложил на землю множество людей; всё сразу смешалось. Если бы людей предупредили о том, что пушки заряжены боевыми снарядами, они разошлись бы и без картечи. Один мой хороший знакомый в это время вернулся из дальнего путешествия и, услышав о мятеже, из любопытства, как и многие другие, пошёл на Сенатскую площадь – посмотреть, что там происходит. Он полагал, что это обыкновенный уличный скандал, как это часто случалось в те времена в Париже. Когда же картечь отбросила толпу виновных и невиновных назад, его вместе с другими охватила паника. Он бежал без оглядки через мост, на который были нацелены пушки, на Васильевский остров, затем на одну линию, далее на другую, и при этом постоянно чувствовал, что его кто-то преследует. Моего друга охватывал всё больший страх, и, наконец, он спрятался в каком-то дворе за лошадьё. Тут-то и настиг его преследователь, который оказался никем иным, как солдатом, тоже убегающим с площади. Итак, дело было кончено за полчаса. Последствия же его, для тех, кто его задумал, известны – сотни семей оплакивали своих детей и родственников. А император утвердил свою власть, правда, запятнав при этом совесть кровью.

Моё воспитание в Кронштадте было многосторонним и в нравственном отношении строгим. Но мои учителя давали мне превосходное образование, совершенно забывая при этом, что мне предстояло жить в России. Во мне воспитали, с одной стороны, резкое неприятие всего противозаконного, а с другой – искренность, против которой я никогда не мог грешить и из-за которой, при моём вспыльчивом характере, часто попадал в сложные положения. Мои выступления против несправедливости всё время доставляли мне неприятности, ведь на государственной службе в России царит такой произвол, какого в никакой другой стране не сыщешь. Хотя на всё имеются точные законы и предписания, их используют чаще всего для того, чтобы что-то запретить или чему-то воспрепятствовать. Напротив, человеку, которому кто-то покровительствует, предоставляются все мыслимые возможности, причём при этом добавляется фраза «не в пример другим».

Так например, можно навредить замечательному офицеру, награждая его орденами и в то же самое время повышая звание его товарища по службе (из лейтенантов в капитаны, из капитанов в полковники, а из полковников в генералы). Через 10 лет последний становится командиром первого, несмотря на всё его ордена. А можно перевести протеже в гвардию, имеющую преимущество в два ранга перед армией, так что капитан сразу становится полковником, минуя звание майора и старшего лейтенанта. Через несколько лет, когда он достигнет всего, что ему нужно, его вновь возвращают в армию – уже полковником или генералом, когда его прежние товарищи всё ещё сидят в капитанах. А ведь именно армия всегда защищала и защищает страну, именно армия проливает свою кровь, в то время как гвардия чаще всего выступает всего лишь резервом, находящимся далеко от мест сражений.

В России, где общественное положение целиком определяется государственной службой, и где человек, который не служил, не имеет никаких прав, карьера выступает единственно достойной целью. Побыстрее занять более высокую должность стремится каждый, но при этом он часто не руководствуется ни своей совестью, ни принципами справедливости. Единственным действенным побуждением остаётся эгоизм. Поэтому, до тех пор, пока в России существует система рангов, наши офицеры и служащие не смогут подняться до самоотречения и самопожертвования, – качеств, которыми обладают эти сословия в других просвещённых странах.

В конце 1825 года, на Рождество я покинул Кронштадт, чтобы уже никогда туда не возвращаться. В январе 1826 года я поступил в Главное инженерное училище, находящийся в известном Михайловском замке императора Павла I. Это учреждение было основано в виде кадетского корпуса за несколько лет до моего поступления и непосредственно подчинялось Великому князю Николаю. Когда он стал императором, то введение военных дисциплин в учебные заведения стало его идеей *fix*. Строевая подготовка и особенно марширование вводились

тогда даже в гимназии и университеты. Император считал, что эти тактические и физические упражнения сдерживают духовное развитие, но при этом забывал, что подавить дух можно только временно. Примеры многих моих товарищей говорят о том, что люди глупели в учебном заведении от строевой службы, но, покинув его стены и став офицерами, они демонстрировали значительное духовное развитие. Однако так как в школе ничего не делалось для их нравственного воспитания, они, по большей части, вырастали бездельниками. Почти во всех русских военных заведениях отмечали, что у всех одарённых воспитанников было плохо со строевой службой. Да это и понятно, ведь последняя требует только физического, так сказать, телесного развития.

Я поступил в третий класс училища, помещение которого размещалось рядом с покоем, в котором когда-то распрощался с жизнью Павел I. Это была угловая комната, с окном, выходящим в Летний сад и на Марсово поле. Дверь, которая соединяла наш класс со спальней несчастного императора, была замурована. Ходили слухи, что там до сих пор стоит пустая кровать. В противоположном же конце замка находились башенные часы, которые пробили и остановились в то самое мгновение, когда произошла трагедия.

* * *

Ещё за день до того ужасного события можно было заметить некоторые признаки готовящегося заговора. И обеспокоенный этим император поведал генерал-губернатору Петербурга, графу Палену о своих подозрениях. Но тот успокоил государя, заверив его, что всё в порядке, что заговорщиков можно арестовывать хоть сию секунду, но лучше подождать немного, дабы никто из них не ускользнул из расставленной сети. Это удовлетворило императора, который, однако же, рассказал о произошедшем разговоре своему фавориту, графу Кутайсову. Но граф Пален не медлил более, и в тот самый день он тайно передал своим сообщникам, что убийство должно состояться сей же ночью, иначе всё будет потеряно.

Вечером, когда немного стемнело, заговорщики провели преданный им гвардейский батальон в летний сад, желая на всякий случай иметь войска под рукой. Такое необычайно многолюдное сборище вспугнуло гнездившихся в парке ворон, и они подняли невообразимый шум. Будучи в замке, император услышал громкое карканье и спросил о его причине. Офицер ответил, что это, верно, собаки забежали в сад и побеспокоили птиц. Государь успокоился.

Обычно каждый вечер граф Кутайсов, живший этажом ниже в Михайловском замке, укладывал императора спать и потом, когда тот засыпал, проходил по всем комнатам, проверял замки, запирали двери, осматривал несущий вахту караул и только затем шёл в свою комнату. Но в этот раз за пару часов до отхода ко сну ему доложили о прибытии его любовницы, госпожи Шевалье, и поэтому он расстался с императором раньше.

Когда он раздевался в своих покоях из его сапога выпала бумажка, которую подложил туда камердинер, описавший в ней весь план заговора. Однако Кутайсов отложил сложенный листочек и сказал слуге: «Хорошо, оставь это у меня на письменном столе», – а потом спокойно отправился к госпоже Шевалье.

Часом спустя заговорщики подошли к двери императора. Дежурный адъютант не хотел открывать, но угрозы заставили его отступить. Государь, услышав шаги, спросил: «Кто там?» Ему ответили, что если дверь не отпрут, они её выломают. Тут император понял, что находится в серьёзной опасности, и стал пытаться открыть тайный проход в полу, чтобы скрыться от преследователей на нижних этажах замка. Но он забыл точное положение рычага, и нужная пружина отказала. Павел в страхе стал искать убежища в камине. В это мгновение в покой вошли инсургенты и, найдя кровать и комнату пустой, немало перепугались. Всё происходящее видел и описал впоследствии слуга, спрятавшийся тогда за гардинами. Генерал Бенигсен захлопнул дверь, а граф Пален встал на стражу у входа. Вскоре заговорщики обнаружили импе-

ратора в камине и, вытащив его оттуда, принудили подписать отречение от престола. Но, когда они уже уходили, граф Орлов сказал: «Этому малому нельзя доверять», – и инсургенты вернулись. Зубов ударил Павла серебряной табакеркой прямо в висок, затем остальные бросились на несчастного монарха и задушили его одеялом. Прямо по-турецки или по-персидски!

Далее заговорщики стали разыскивать Кутайсова. Но тот, услышав шум, сразу же воспользовался своим тайным ходом, в люке которого пружина сработала. Выбравшись из замка по льду замёрзшего рва, Кутайсов побежал на Фонтанку, а оттуда – на Литейный, к своей сестре. Там он переделся в суконное платье и вскоре без помех достиг Финляндии.

Конечно, у императора Павла было немало плохих сторон, но и многое великое и благородное было ему не чуждо. Его убийство навечно останется в людской памяти деянием отвратительным, и потомки всегда будут оплакивать этого монарха.

Впоследствии провидение покарало всех, кто участвовал в заговоре, или хотя бы знал о нём. Говорят, даже император Александр и Великий князь Константин были посвящены в планы заговорщиков. Об этом говорила жена Павла, добавляя, что ей самой инсургенты обещали титул регентши.

Императрица Екатерина II тоже была убита: фрейлина Перекусихина подала ей отравленный шоколад. Весть о смерти государыни принёс Павлу граф Кутайсов, но недолго длилось правление нового императора...

Пётра III задушили по приказу Екатерины в Ропше. Говорят, что этот слабовольный и необразованный человек был то ли старообрядцем, то ли скопцом⁴. И сейчас староверы считают его своим покровителем, и память о нём жива среди них. Когда этот цесаревич приехал из Гольштейна к Елизавете, он не умел ни читать, ни писать, и был столь диким и грубым, что его воспитатель, Брюмер, мог научить его чему-либо лишь с большим трудом, и часто, в отчаянии, жаловался на то императрице. Таков был человек, доставшийся в мужья чувствительной и образованной Екатерине. Как же могла она уважать такого супруга, как могла любить плод этого союза (т. е. Павла)? Но достаточно истории – она всё равно неисчерпаема. В утешение стоит заметить: хотя с нами и случается немало несчастий, но с другими происходят и более страшные беды.

Примечательно, что вслед за каждым убитым претендентом на престол в России появлялись люди, называвшие себя его именем: Лжедмитрии, Пугачев (Петр III); даже у Павла был такой «последователь». В Сибири мне однажды рассказали следующее. Когда генерал-губернатором там был генерал Капцевич, любимец Павла ещё с гатчинских времён, за Уралом распространился слух, что, де, император Павел не умер и живёт под видом ссыльного в Восточной Сибири. Было проведено расследование, и действительно – среди поселенцев нашли человека, выдававшего себя за государя. Он говорил, что вместо него похоронили кого-то другого, а ему подарили жизнь, под тем, однако, условием, что он изменит своё имя и навечно поселится в Сибири. Капцевич велел доставить его в Тобольск.

Был вечер, и генерал как раз работал у себя в кабинете, когда этот человек туда вошёл. Взглянув на него, Капцевич вздрогнул и побледнел как мертвец – настолько разительным было сходство в лице, манерах и речи. Генерал сразу же удалил всех присутствующих из комнаты и затем долго беседовал с тем ссыльным наедине. После он отправил фельдъегеря в Петербург, к графу Аракчееву, который был столь же удивлён и ошарашен, как и генерал-губернатор

---

⁴ Скопцы – религиозная секта в России, близкая к хлыстам. Возникла в конце XVIII в., основателем считается К. Селиванов. Основа вероучения С. – утверждение, что единственное условие «спасения» души – «борьба с плотью» путём оскпления (кастрации). Общины С. назывались кораблями, молитвенные собрания – радениями. Во 2-й половине XIX в. С. было около 6 тыс., главным образом в Тамбовской, Курской, Орловской губерниях, в Сибири. В Российской империи принадлежность к секте С. каралась ссылкой в Сибирь. В СССР изуверские секты, подобные С., были запрещены. Очень небольшие группы С. сохранились в некоторых районах Северного Кавказа. Это т. н. «духовные» С. (в их общинах оскпление не производится). От членов этих сект требуется отправление определённого культа, сохранение аскетического образа жизни.

Сибири. Несколько дней спустя гонец, посланный с ответом из Петербурга, пропал по дороге в Иркутск.

Моё воспитание в инженерном училище было преимущественно военным, и Вы можете предположить, что основными предметами считались математика и в особенности фортификация. Ничего подобного! Больше всего времени занимали экзерсисы с флейтой и марширование, в которых мы могли бы соперничать и с солдатским пехотным корпусом. Эти занятия император Николай любил превыше всех других. Однажды я слышал своими ушами, как Великий князь Михаил сказал: «Тот, кто не способен к маршированию и экзерсисам, не будет достойным членом общества!» Таков был дух того времени: каждый способный поднять ногу становился генералом и щёголял своими эполетами перед людьми умными и учёными.

В этом училище меня вскоре произвели в унтер-офицеры. Но затем буйный характер дважды послужил причиной моего понижения в степени: в первый раз я назвал нашего учителя французского мерзавцем, в другой – не смог сдержаться смеха при виде одного сумасшедшего дежурного офицера. Экзамен на чин офицера мне пришлось сдавать в больнице, куда я попал из-за второго из описанных происшествий. Но все учителя поставили мне высшие баллы, не задав ни одного вопроса. Так я стал офицером без экзаменов.

В то время нам довелось участвовать в одной грандиозной траурной церемонии – в похоронах императрицы Елизаветы, супруги покойного императора Александра. Мы выстроились цепью на Марсовом поле, через которое проходила процессия, и последовали затем за кортежем до крепости, где нам пришлось стоять по колено в снегу. Треть из нас попала после этого парада в лазарет, многие простудились, я же заболел желчной горячкой, которая приковала меня к постели на 3 месяца.

В конце 1828 года я стал, таким образом, инженер-прапорщиком. В классе я оставался первым, ведь тогда новоиспечённым офицером полагалось ещё 2 года оставаться в стенах училища, хотя экзерсисы с нами уже не проводились. Тем, кто хотел жить в собственной квартире в городе, было это дозволено; другие оставались в казённых комнатах. Только сейчас могли мы, нако нец, заняться нашим общественным образованием: обучиться хорошим манерам, познакомиться на балах с дамами, посетить театр. Кроме того, нам разрешили ездить на извозчиках и курить, что прежде было строго воспрещено кадетам. Естественно, молодые люди, внезапно выброшенные в большой город, нередко грешили против морали. Сладострастие и карточные игры, вино и долги были в порядке вещей. Нашим юношам предстояло сделать важный выбор, и одни без оглядки предались наслаждениям и погибли, другие, набравшись опыта и изведав нужду, поумнели и стали порядочными людьми, но таковых было меньшинство. Ведь в этой стране образованный, благородный человек может найти лишь немного способов достойно зарабатывать на жизнь.

1831. Польская кампания

Все должны служить, и тот, кто не служит, или не служил, не обладает никаким авторитетом, никаким значением. Третий не служивших людей погибает из-за наших законов о дворянстве. И, так как все должны служить, и все молодые люди подготавливаются обществом исключительно к службе, свободное развитие их талантов сдерживается. Это большое несчастье для государства, ведь из-за такой службы помещики ослабевают, имения забрасываются хозяевами и приходят в упадок, семьи нищают, торговля прозябает, выживая только в крупных городах, и страна беднеет.

Император Николай любил исключительно военных, представители же других профессий были вынуждены довольствоваться задним планом. Он полагал, что Россия способна процветать и удерживаться в порядке, только будучи преимущественно военным государством. Верно ли, однако, что можно удержать в порядке саму армию? Очевидно, нет, и история научает нас этому, ведь, пожалуй, нигде ещё не осуществили больше военных заговоров, чем в России.

Я окончил так называемые офицерские классы инженерного училища в конце 1830 года, как раз тогда, когда в столицу дошла весть о восстании в Варшаве. Подпитываемый всяческими слухами страх был велик, некоторые уверяли даже, что поляки преследуют наши войска. Сам император воззвал во время парада к патриотизму офицеров – те, конечно, ответили восторженными возгласами, будто Отечество и впрямь находилось в опасности из-за кучки непокорных студентов и юнкеров, разыгравших сущий спектакль. Если бы Константин отдал войскам приказ силой разогнать бунтовщиков, то всё кончилось бы за час. Но он того не желал. Конечно, не по трусости – свою отвагу Великий князь выказывал не раз. Но по многим признакам можно судить, что глубоко в душе он даже радовался такой возможности отомстить за свою обиду, за утерянный императорский престол. Я сам слышал от наших генералов, очевидцев всего произошедшего, что Константин решительно противился введению их войск на польские земли и упорно отклонял все разумные предложения по усмирению восстания.

Несправедливым было бы как безоговорочно осуждать поляков за эту революцию, так и превозносить их за неё до небес. Польша вошла в состав Российской империи с собственной конституцией, которую следовало бы соблюдать – её нарушения, а также произвол Великого князя стали главными причинами восстания. Но, с другой стороны, очевидна и неблагодарность поляков по отношению к Константину и к России. Ведь только благодаря русской защите и помощи Польша за 15 лет достигла такого благосостояния, каким ранее никогда не обладала. Множество либеральнейших и полезнейших нововведений было проведено в жизнь и маленькое королевство могло служить примером для многих европейских государств. Можно говорить всё, что угодно, но ту революцию должно считать делом несправедливым и произвольным. Даже если целью восставших и было установление своего собственного короля, история свидетельствует, что ни при одном короле в Польше не было такой сильной экономики, как при Великом князе.

Польская кампания началась в 1831 году. Вскоре и я, прямо из инженерного корпуса, был направлен в армию в качестве инженер-унтерлейтенанта. Мне едва хватило времени на то, чтобы купить седло и некоторые другие, необходимые для путешествия вещи, – столь быстро надо было отъезжать. Тем временем поляки собрали в Варшаве целую армию.

Это была зимняя кампания. Артиллерии нередко приходилось идти, проваливаясь на два фута в снег. Когда гвардия вышла из Петербурга температура достигала –30 градусов. Бедные люди жестоко страдали от февральских ветров и метелей, и марш был много страшнее битвы. Наконец мы достигли города Седлец, расположенного недалеко от границы. Далее, однако, можно было продвигаться только пешком, вместе с солдатскими полками, сформированными

здесь же из выздоровевших после тяжёлого перехода и вновь прибывших людей. Я, договорившись с одним евреем, арендовал у него за несколько дукатов так называемую «еврейскую бричку», на которой и отбыл ночью из города.

«Еврейская бричка» в Польше – это обыкновенная длинная крестьянская повозка с плетёным кузовом или навесом, под который кладутся вещи пассажира и куда усаживается он сам. Перед таким кузовом сидит на козлах кучер, перед которым, в свою очередь, располагается лошадь, поставленная в оглобли. Иногда сбруя бывает ещё более простой – тогда она состоит из двух верёвок, прикреплённых к заменяющей хомут шерстяной петле. Эта упряжь мгновенно набрасывается на шею лошади, а затем к ней столь же легко и быстро прикрепляются вожжи. Такая повозка проста и долговечна. Часто в неё усаживаются 10–15 детей и взрослых, мужчин и женщин, и одна лошадь тащит их всех. Тогда чуть ли не на всех станциях можно было наблюдать следующую печальную картину: целая еврейская семья сидит в подобной бричке и кучер хлещет бедную изголодавшуюся клячу, чтобы успеть приехать домой до начала субботы.

Вот в таком-то экипаже я и ехал по шоссе по направлению к Варшаве. Но дорога была пустынной, так как прошедшие полчища солдат опустошили всю округу и изгнали живших там людей. Только евреи с их кочевно-кабацким хозяйством получали недурную прибыль. Было холодно, сыро и уныло. Что же касается еды, то мне приходилось довольствоваться крохами, купленными ещё в Седлеце. На третий день пути я добрался до Милозно, где располагалась штаб-квартира Дибича. Утром моему взору предстало необозримое поле, заполненное грязными и заснеженными казачьими бивуаками. Всё это напоминало скорее цыганский табор, чем военный лагерь – ведь и здесь бродило множество лошадей.

Между тем сражение под Гроховской уже произошло. Храбрые кирасиры прорвались там к мосту, и поляки отступили в изрядном беспорядке – всё бежало и теснило при том друг друга: маркитантки и солдаты, пушки и коровы, фуры и генералы – всё смешалось, и, не выдержав этого огромного веса, лёд проломился и мост обрушился. На варшавском берегу с белыми флагами, хлебом и солью уже стояли горожане, показывая тем свою покорность победителям. Но – о ужас! – никто не поддержал наших храбрецов, и их атака захлебнулась. Все войска были отозваны, как только граф Гейсмар доложил о невозможности форсирования Вислы по льду. Поляки, тем не менее, успешно провели переправу, в чём им помог сильный ночной заморозок. Мороз был таким, что, проснувшись той ночью в палатке и встав, я порвал свою шинель, край воротника которой примёрз к земле.

1832. Варшава

Вскоре после моего прибытия, я был прикомандирован к генеральному штабу графа Дибича, который несколькими днями позже отступил от Варшавы к Югу, к Schenitza, надеясь перейти реку там. Для постройки моста меня, вместе с другими инженер-офицерами, направили в город Карчев, расположенный за 40 вёрст от Варшавы, выше по течению Вислы. Наш конвой состоял из двух гусарских эскадронов, которые лишились во время перехода почти всех своих лошадей. Им пришлось становиться на бивуак в необычайно ненастную погоду – всё из-за того, что жителям маленького, грязного городка Карчева нельзя было доверять. Кроме того, мы каждую секунду ожидали увидеть переходящих реку поляков, так как недалеко имелся брод, проходимый для всадников.

Я находился тогда в весьма стеснённом положении, ведь у меня совершенно не было времени на то, чтобы обеспечить себя всем необходимым для такой кампании. К счастью, прибыв в Милозно, я смог, чуть ли не силой, однако, выторговать у доvezшего меня еврея его бричку и лошадь, что обошлось мне в 10 дукатов. Чуть позже я купил у казаков и верховую лошадь, изрядную каналью, за ужасающую цену в 800 рублей. Коней тогда было не достать, потому что их скупали каждый день приезжавшие в штаб-квартиру офицеры. После окончания кампании я продал свою 800-рублёвую лошадь за 7 флоринов, то есть за 4 рубля, 20 копеек на базаре в Варшаве...

В Карчеве мы устроились более-менее удобно – по крайней мере, у нас имелось отапливаемое жильё и немного еды. У евреев можно было раздобыть и что-нибудь из одежды. Хижины наши были построены на берегу, и однажды я завяз в иле Вислы, и погиб бы, если бы меня не вытащили с помощью шестов и веревок. Я провалился туда сразу по грудь и погружался всё глубже и глубже – ужасное чувство: тонуть в тяжёлой, липкой грязи.

Три недели спустя плоты для моста были готовы и сложены на берегу, так что под охраной солдат их можно было сколотить вместе. Меня же отозвали в Schenitza и приписали к генеральному штабу. Двумя днями позже вся армия двинулась на юго-запад, к Weisel, чтобы там переправиться через Вислу. В Гроховской было оставлено только два корпуса, ранее называвшихся литовскими, под командованием генерала барона Розена. Но когда поляки увидели, что наши основные силы удалились, их генерал, Скржинецкий, собрав все свои силы, предпринял атаку на Варшаву. Розен в трёх битвах был разгромлен и нашим войскам, находившимся в северной Польше, в том числе и всему гвардейскому корпусу, пришлось отойти к русской границе. Из-за этого отважного прорыва Дибич был вынужден быстро скорректировать свой план и предпринять против поляков фланговый марш. Между тем, одна польская колонна повернула к Югу навстречу нашей армии, намереваясь оказать помощь крепости Замостье.

* * *

Польскими войсками командовал генерал Кржановский и они маневрировали столь умело, что мы были ими совершенно одурочены и уже не могли вырваться из этого затруднительного положения, хотя наши силы и превосходили силы противника в четыре раза. Наш же генерал – князь Лопухин – никак не мог решиться на атаку.

Квартира, на которой я остановился в г. Шелихове принадлежала некоему еврею, в доме которого праздновали Пасху, и потому там невозможно было достать что-либо за деньги. Как известно, в праздничные дни иудеи не должны ничего продавать, а, соответственно, не должны и принимать за что-либо плату. Комната, где я разместился, была столь большой, что занимала почти весь дом. Пол она имела дощатый. Третью же её была разделена в длину какой-то низень-

кой, не доходившей до потолка деревянной перегородкой с пятью дверями. Каждая такая дверь вела в полутёмную комнатушечку – единственное окно освещало лишь большую залу. В лучшей из крошечных каморок лежали священные книги, затем шла спальня хозяина, далее – спальня его женатого сына, в следующем помещении спали дети, и, наконец, последняя дверь вела в чулан для одежды. Кроме того, в углу моей комнаты стояла огромная печь с дымоходом, вдоль стен тянулись лавки, имелись и два разбитых стула, большой стол, да сервант с посудой, невымытыми стаканами и кофейниками.

Я устроился на одной из вышеупомянутых лавок и еле заснул из-за одновременного скрипа кроватей во всех еврейских комнатках – самих же их обитателей это нисколько не стесняло...

На следующий день была Пасха, и я попросил хозяйку сготовить мне что-нибудь на обед. После долгого сопротивления в ней всё же возобладала алчность; чтобы традиция была хоть формально исполнена, я положил деньги на подоконник и женщина начала варить мне суп. Что же оказалось в этом супе, когда я его попробовал? – горячая вода, в которую покрошили сваренное вкрутую яйцо, немного листьев петрушки, перец и масло.

Казачий офицер рассказывал мне об одном таком еврейском доме следующее. Отряд из 12 его подчинённых расквартировался там на ночь. Один из них – парень молодой, с горячим характером – сразу же приметил хорошенькую жену хозяина. Когда наступил вечер, казаки легли спать – один рядом с другим – прямо посреди комнаты. И еврей тоже отправился в свою спальню вместе с хозяйкой. Вскоре все спокойно заснули, и только молодой казак думал о том, как хорошо было бы подобраться к прелестной еврейке. Наконец, глубокой ночью он услышал, что хозяин удалился в известное место. Одним прыжком очутился он рядом со спящей женщиной, обнял её... И, когда муж возвратился, казак уже лежал спокойно на своём месте. Еврей же подошёл к своей жене, но та оттолкнула его с обидой. Видя своеобразие супруги, корившей его том, что глупо беспокоить её столь часто, он затеял ссору. Затем мой еврей, всё же почувствовав обман, начал тихо подкрадываться к спящим казакам, желая найти того, чьё дыхание было неровным. Вскоре поиск завершился успехом, и хозяин положил рядом с уличённым таким образом преступником свою шапочку. Потом еврей отошёл к печи, намереваясь зажечь свечу, чтобы лучше разглядеть того шельму. К сожалению, спички были тогда неизвестны, и раздувание потухших углей заняло у обманутого мужа некоторое время, которого как раз и хватило казаку, чтобы переложить шапочку одному из своих товарищей. Еврей же, вернувшись уже со светом, грубо растолкал спокойно почивавшего казака, который оказался шестидесятилетним стариком с седой бородой. Выслушав упрёки хозяина, он, перекрестившись сперва, дал ему пару увесистых пощёчин. От шума проснулись и другие казаки, которые не преминули отколотить еврея. На следующий день командиру поступила жалоба мужа, желавшего получить возмещение за оскорбление своей жены и за понесённые им самим побои. Казак поклялся, что вот уже 15 лет не думал даже о возможности совершения такого прегрешения, и дело закончилось на том, что еврей доказали ошибочность его подозрений. Причём сие доказательство было подкреплено заверениями в невинности старика, обвинениями в адрес самого хозяина в том, что тот со сна понял что-то неправильно, и 25 рублями. После того, как казаки ушли оттуда, юноша рассказал о своей шалости. Но что думала о том еврейка, мы не ведаем.

Вскоре в окрестностях Шелехова были расположены основные силы армии, и я здесь же был возведён в ранг капитана. После этого в моём распоряжении оказалась сотня казаков с одним унтер-офицером. Обычно мне и моим людям удавалось занять дом или сарай в том конце деревни, где находилась штаб-квартира. Я был обязан сопровождать графа Дибича повсюду в его разъездах. Притом ходили мы почти всегда на рысях, и потому в день приходилось делать 30–40 вёрст. Ещё тяжелее стало мне, когда вскоре умерла загнанная насмерть моя бедная лошадь. Весна к тому же выдалась ужасающе грязной и сырой. Я бы умер тогда с голоду, если бы не казаки. Часто нам приходилось бывать в таких областях, через которые вся армия

прошла уже дважды или трижды. То есть сотню, а то и тысячу раз здесь уже пытались раздобыть что-нибудь съедобное. Ведь изначально кампанию предполагалось завершить за пару недель, и для удовлетворения нужд нашей армии вскоре пришлось применять примитивные реквизиции продовольствия. Получить что-либо съестное можно было только за огромные деньги. Даже интенданты выдавали нам положенные пайки деньгами – но деньги не съешь, и потому многие жестоко страдали от недоедания. Однажды мы зашли в безлюдную, оставленную крестьянами деревню и мне был выделен амбар со сплетёнными из ивовых прутьев стенами. Мои казаки принялись искать пропитание, но все их усилия не приносили успеха. Наконец ко мне подошёл унтер-офицер и попросил разрешения посмотреть и в моём, совершенно пустом амбаре. Я был совершенно уверен в безнадежности этого предприятия: помещение неплохо просматривалось и, очевидно, было пустым, кроме того, на земляном полу не было никаких следов, указывающих на существование тайника. Появившийся старый казак начал, однако, протыкать обнажённой саблей землю рядом со стенами. Очень скоро раздался его крик: «Тут что-то есть!» Дёрн вмиг отбросили в сторону, и на свет божий был вытащен целый бочонок картофеля. В другом месте мы нашли пару говяжьих окороков и свиное сало и таким образом обеспечили себе скромный обед дня на два.

Руководители этой беспорядочной кампании не учитывали, к сожалению, способности поляков к сопротивлению. Считалось, что силами трёх отправленных в Польшу корпусов Варшава будет тотчас взята и восстание, соответственно, совершенно подавлено. Но решающая победа под Гроховым не была надлежащим образом использована. Из-за ложности сведений о состоянии льда там не удалось организовать безопасную переправу через Вислу, в то время как польская артиллерия успешно перешла на противоположный берег. Но об этом успехе врага стало известно только тогда, когда продолжительная оттепель действительно сделала переправу невозможной. Также и новые плавучие мосты, лежавшие на пражском⁵ берегу, были совершенно испорчены, потому что их, без всякого на то повода, продырявили. Позже, когда лёд уже сошёл, они не были использованы даже при взятии Праги⁶.

Стоило бы упомянуть ранее о том, что одна попытка совершить переправу всё же была предпринята под Карчевым – но она не удалась из-за атаки поляков под командованием Скржинецкого на позиции второго корпуса Розена. Гвардия же со всей возможной скоростью повернула по приказу Дибича от Шелихова и с верхней Вислы на север к реке Нарев, чтобы поставить мятежников между двух огней: с юга от них оказывалась армия самого генерала, с северо-запада – гвардия великого князя Михаила.

Неверный расчёт продолжительности кампании повлёк за собой разрешение на реквизицию продовольствия у населения для нужд снабжения армии. Когда военные действия стали затягиваться, была, наконец, замечена непригодность этой системы для ведения нашей войны, в которой сотысячная армия была сконцентрирована на очень небольшой площади. Но замечено это было, к сожалению, слишком поздно, и оттого войска очень часто страдали от отсутствия надлежащего снабжения; особенно туго приходилось кавалерии, потому что повсюду всё ещё лежал снег, и до появления травы оставалось месяца два-три. Сухарями питались не только солдаты, но и некоторым офицерам приходилось иногда по два, а то и по три дня голодать. Я сам, хотя и состоял при генеральном штабе и при ставке главнокомандующего, во время пятидневного флангового марша к г. Седлец был вынужден довольствоваться лишь сырым ячменным зерном.

Нелишним будет здесь вспомнить о следующем случае, доказавшем действенность правила, гласящего, что солдат готов к бою лишь после того, как отдал должное своему животу. Однажды мне и моему конвою был выделен дом и сарай, расположенные, как обычно, в том

---

⁵ Прага – исторический район Варшавы, расположен на правом берегу Вислы.

⁶ См. прим. 1.

конце деревни, где находилась штаб-квартира. Ночлег нам предоставил некий весьма состоятельный крестьянин. Едва лишь я переступил порог, этот крестьянин подбежал ко мне и стал просить о защите от солдат, которые ворвались в его усадьбу, а точнее – в амбар. Я вышел с ним и обнаружил пятерых пехотинцев с соседнего бивуака, куда они, очевидно, не дошли. Эти солдаты выбили амбарную дверь прикладами ружей, потому что хозяин не захотел открыть её добровольно. Конечно, я стал угрожающе кричать им: «Да что ж вам надо?!» Узнав во мне офицера, пехотинцы немного оробели, и один из них ответил: «Хлеба!» Я подошёл ближе и прокричал им, что это место совершенно не подходит для розысков хлеба, и что они должны убираться. Но парни, к которым между тем присоединились некоторые их товарищи, начали весьма выразительно орать: «Мы уж три дня не ели!» Я приказал крестьянину открыть сарай и дать солдатам что-нибудь, для утоления их голода. Удовлетворённые этим пехотинцы благодарили меня и затем многократно просили прощения за свои деяния, совершённые из-за жестокой нужды. Конечно, затем пришли и другие голодающие солдаты, и запасы крестьянина вскоре были опустошены. Я, однако, успел спрятать кое-что для хозяина и его семьи, ведь в противном случае, он и сам мог бы пострадать от голода после нашего отбытия.

Всё это произошло в штаб-квартире армии – а как же обстояло дело там, где солдаты были предоставлены сами себе? Однако, к чести русского солдата, стоит признать и то, что он склонен к грабежу и разрушению менее, чем так называемые цивилизованные европейские народы, а именно англичане и даже французы; и что он более сдержан, чем они. Исключением здесь приходится считать лишь азиатские племена, отличающиеся кровожадной, разрушительной натурой. Даже так называемые казаки не так плохи, как может показаться, и многие происшествия свидетельствуют о том, что и их сердцу не чуждо сострадание. Страх же перед черкесами распространился после того, как они устроили страшную резню при Ошмянах (в Литве).

Когда штаб-квартира армии была перемещена в Седлец, главный город Подлясья, я поселился на квартире одного пекаря – можете ли Вы представить мою радость после пятидневной голодовки? Но натиск жаждущих хлеба был столь силен, что старый булочник, немец по национальности, умолял меня дать ему двоих казаков для защиты от непрошенных гостей, иначе не было возможности продолжать выпечку. Я был вынужден взять его под свою защиту и обеспечить ему надлежащий порядок при раздаче хлеба. То был первый пекарь города, и все высшие чины армии пользовались его услугами, но это не останавливало моих казаков: они позволяли покупателям подходить только по очереди. Так этот человек получил очень солидную прибыль, пообещав, однако, не повышать цену на хлеб.

Из Седлеца я был послан в деревню Игани, где генерал Розен при своём отступлении от Демба-Велького несколько дней назад провёл кровавое сражение с войсками Скржинецкого. Виденное мною поле сражения было усеяно бесчисленными убитыми и ранеными. Никто не нашёл времени позаботиться о них. У многих началась гангрена, потому что ампутация не была проведена вовремя, и заболевание не было остановлено, другие истекли кровью или обессилели из-за голода и палящих лучей солнца, третьи погибали от жажды и боли в раздробленных конечностях. Там же лежали израненные лошади, разбитое снаряжение, куски разорванной одежды – плачевная картина людского варварства.

История спокойно и величественно рисует перед нами минувшие битвы и, сверх того, находит в них героев. Жаль, что летописец никогда не удостоит своим вниманием вышеописанное поле брани – иначе герой превратился бы в разбойника. Когда человек убивает человека, его колесуют. Но, когда монарх или другой властитель посылают на смерть на войне тысячи невинных людей, народ воспринимает это как должное, не требуя воздаяния. Так гласят справедливые законы нашего общественного порядка, столь далеко зашёл великий прогресс нашей цивилизации. Вместо того чтобы презирать такого изверга все, а в особенности историки, превозносят его до небес. И это совместимо с христианской философией?

Фланговый марш Дибича удался. Уже при деревне Пишки, что лежит в 15 верстах от Остроленки, мы столкнулись с арьергардом поляков, и несколько эскадронов их уланов были нами разбиты. Часть гвардии догнала затем основные силы противника, войска вошли в соприкосновение, и поляки не могли более уклоняться от решающей битвы. В ту же ночь Дибич приказал мне направить к Остроленке гвардейскую дивизию под командованием графа Ностица и батарею конной артиллерии для захвата моста через Нарев. Предприятие это было задумано с целью помешать переправе поляков или хотя бы задержать её до того момента, когда русские войска соберутся в достаточном для битвы количестве. К несчастью, граф Ностиц не понял замысла фельдмаршала и резко возразил на мои объяснения: «Я лучше Вас знаю, что мне следует делать». Итак, он направил свои войска в сторону от намеченного пути, к Czerrlenu, чтобы пленить пару стоявших там польских пехотных батальонов. Я попытался возразить ему, говоря, что имею от фельдмаршала приказ привести его к Остроленке и не могу более работать с ним при таком явном неповиновении; тогда он сообразовал ответить: «Скажите же главнокомандующему, что я иду к Czerrlenu». С этим я и отправился назад, в штаб-квартиру. Когда Дибича разбудил мой приезд, была уже полночь. Можете ли Вы представить себе сцену, которая разыгралась после того, как я передал фельдмаршалу ответ Ностица? Дибич то хватался за волосы, то топал ногами, и, наконец, стал подходить ко мне, сжав кулаки и крича: «Я Вас расстреляю! Как вы посмели не выполнить мой приказ?!». Я молчал. «Скачите немедля к Ностицу и скажите ему, что он должен сейчас же повернуть к Остроленке, иначе я предам его военному суду! Скажите же ему это, да поторапливайтесь!»

Я недолго собирался и вскоре отбыл – но и мой Ностиц тоже не стоял на месте. Едва лишь я его покинул, он спешно двинул целый дивизион на Czerrlenu. Потому, хотя я и отдал все силы погоне, настичь его и передать приказ фельдмаршала мне удалось только к утру. Однако несколько бесценных часов уже было потеряно, так как поляки заблаговременно ушли из Czerrlenu. Более того – теперь Граф Ностиц оказался дальше от Остроленки, чем был днём ранее. Таким образом, генерал Скржинецкий получил достаточно времени, чтобы той же ночью беспрепятственно перевести через реку большую часть своей армии. И когда мы, неизменно уставшие, добрались на следующее утро до Остроленки, только два последних батальона поляков ещё не завершили переправу – наш лейб-гвардейский уланский полк сбросил их в реку. В же это время основные русские силы ворвались в город и сошлись с остатками войск Скржинецкого в уличной схватке. Так вот произошла столь глупая авантюра, в результате которой превосходный план Дибича был сорван непредвиденной случайностью. Если бы Ностиц подошёл к Остроленке вечером, повстанцы были бы настигнуты его свежей кавалерией при переправе через реку, и последствия этого были бы для поляков насколько решающими, настолько и пагубными.

То, что русской армией командуют завидующие друг другу и интригующие против своих сослуживцев люди, очевидно, непригодные для такого дела, постоянно приносит ей несчастья. Особенно же вредна для неё власть Великих князей и цесаревичей, изрядно уменьшающая авторитет главнокомандующего, что, конечно, ведёт за собой и нарушение субординации между его подчинёнными, которые позволяют себе любые выходки, надеясь на защиту присутствующих в армии членов царской фамилии. Примером тому был и граф Ностиц, с лёгкостью избежавший наказания за свой поступок благодаря поддержке Великого князя Михаила. А ведь вина этого офицера была очевидной – из-за него под Остроленкой не была одержана окончательная победа над поляками, что обошлось нам в 18 000 убитых и раненных. Если бы генералы обладали большей властью и добивались бы своего положения с большими усилиями, если бы военные награды раздавались не охапками или целыми возами, но с некоторой предусмотрительностью, тогда эти интриганы оказались бы в более тесных рамках, и русская армия, как и её опытные генералы и умелые офицеры, показала бы себя не хуже армий других государств.

Поляки подожгли Остроленку, и в горящих домах разыгралось яростная битва. Когда князь Горчаков начал обстреливать город картечью конной артиллерии, повстанцы, наконец, дрогнули, а наши солдаты удвоили свой натиск. Люди сражались в охваченных пожаром, рушившихся домах под градом картечи и пушечных ядер, но это не помешало могучему парню с ружьём надругаться у пылающей стены над кричащей от ужаса еврейкой. Другие врывались в винные погреба, хлебные лавки... Эта озверевшая солдатня убивала, насиловала, жгла, грабила; и поляки отличились здесь не менее русских.

Генерал Уминский, командовавший польским арьергардом, всё же задержал русскую армию на несколько часов и таким образом предоставил основным силам достаточно времени, чтобы занять укреплённую позицию на противоположном берегу реки. Последовавшая за тем кровавая битва слишком известна, чтобы её описывать. Но мне стоит заметить, что я сам, счастливым образом не пострадав от пушечных ядер, дожид до вечера и устроился на ночь в одном из разрушенных домов Остроленки. Однако вскоре граф Дибич вместе со штабом отправился далее, и я счёл своим долгом сопровождать его. По мосту мы проехали на поле битвы, которая обошлась нам столь дорого.

* * *

Заходящее кроваво-красное солнце освещало горящие золотом эполеты и расшитые мундиры сопровождавших фельдмаршала офицеров. Сам же генерал отчётливо выделялся благодаря своей белой шапке, которую он постоянно носил. Уцелевшие в битве поляки, которые всё ещё стояли на опушке леса, заметили его, быстро направили свою самую большую пушку на блистающий отряд и дали несколько залпов. Я, лишившись чувств, упал с лошади – одно пушечное ядро пролетело слишком близко от моей головы, с левой от неё стороны.

От смертного сна я очнулся в госпитале, в Остроленке, весь опухший, в бинтах и в крови. Я совершенно ничего не слышал и ещё 4 недели не был способен ни к какой деятельности. Вскоре меня перевезли из того госпиталя в женский монастырь, лежавший недалеко от города Пультуск. Множество дев, молодых и старых, с великим усердием заботились там о раненных. За это несколько жандармов защищали обитель от назойливости военных. Безграничное участие всех юных и пожилых монахинь вызывал молодой, пригожий артиллерийский офицер, у которого были оторваны обе ноги. Не у одной из укрывшихся в этом святом месте добрых сестёр сердце билось сильнее обычного при перевязке или при оказании другой помощи раненым, хотя те и были русскими. Ведь и они были людьми, а сердце видит не национальность человека, но его самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.